

Шестакова Э. Г.

ORCID: 0000-0003-20009208

Донецк, Украина

E-mail: shestakova_eleonora@mail.ru;

shestakovanora2016@gmail.com

УДК 821.161.1.09:008

DOI 10.26170/23067462_2021_03_02

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА RENDEZ-VOUS — ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ МИФ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена проблеме обоснования сущности, особенностей восприятия *русского человека на rendez-vous* в качестве общественно-литературного мифа русской культуры. Традиционно *русский человек на rendez-vous* рассматривается литературоведением в качестве мотива, лейтмотива, сюжета, ситуации, сюжетной ситуации. Однако такой еще достаточно перспективный подход, предполагающий применение ряда традиционных литературоведческих методов, оказывается малоэффективным для выявления и понимания цельности этого изначально сложного художественного феномена. В статье *русский человек на rendez-vous* рассматривается в системе социальной мифологии и интерпретируется как одна из ведущих и константных идеологем национального словесно-культурного процесса. Доказывается, что *русский человек на rendez-vous* появился в русской словесности и получил максимальное признание, коллективную поддержку интеллигенции, ее отклики в эпоху становления и расцвета оригинальности, национальной самобытности русской культуры и литературы как ее неотъемлемой составляющей. В результате долгой, напряженной жизни и сложной истории *русского человека на rendez-vous* происходит его вписывание в русскую социальную мифологию, которую он же во многом создает, поддерживает, развивает, выступая одновременно основой и для национального самосознания, самопонимания, и для восприятия другими национальными культурами.

Ключевые слова: литературные мотивы; русский человек; идеологемы; социальная мифология; русская культура; русская литература; общественно-литературные мифы; русские писатели; литературное творчество.

Shestakova E. G.

Donetsk, Ukraine

RUSSIAN PERSON ON RENDEZ-VOUS IS SOCIAL– LITERARY MYTH BY RUSSIAN CULTURE

Abstract. The article is devoted to the problem of substantiating the essence, the peculiarities of the perception of the *Russian person on rendez-vous* as a social-literary myth by Russian culture. Traditionally, the *Russian person on rendez-vous* is considered by literary criticism as a motive, leitmotif, plot, situation, plot situation. However, this still quite promising approach, involving the use of a number of traditional literary methods, turns out to be ineffective for identifying and understanding the integrity of this initially complex artistic phenomenon. In the article, the *Russian person on rendez-vous* is considered in the system of social mythology and is interpreted as one of the leading and constant ideologemes of the national literary-cultural process. It is proved that the *Russian person on rendez-vous* appeared in Russian literature and received the maximum recognition, collective support of the intelligentsia, its responses in the era of the formation and flowering of originality and the national identity of Russian culture and literature as its integral component. As a result of a long, tense life and a complex history of the *Russian person on rendez-vous*, he is inscribed in Russian social mythology, which he also largely creates, supports, develops, serving at the same time as the basis for national identity, self-understanding, and for perception by other national cultures.

Key words: literary motives; Russian person; ideologemes; social mythology; Russian culture; Russian literature; social and literary myths; Russian writers; literary creativity.

Предлагаемая вниманию статья — это одновременно и подведение итога, и обозначение нового спектра проблем, касающегося одного из знаковых явлений национального словесно-культурного процесса: *русский человек на rendez-vous*. Тот круг вопросов, который в ней будет рассмотрен, отчасти был сформулирован и обоснован в моих последних статьях [Шестакова 2017; Шестакова 2018]. В них речь непосредственно шла о том, как, в связи с чем, в результате каких социально-исторических и культурных перипетий литературный мотив *русский человек на rendez-vous* во втором десятилетии XXI в. оказался в ситуации между национальным мифом и идеоло-

гемой. Сейчас пришло время, во-первых, изменить концепцию, методологию, теоретические основания, принципы исследования одного из самых *длинных, долгоиграющих* (С. Бочаров) мотивов русской словесности, аргументировав причины и цели этих изменений. Другими словами, необходимо объяснить, почему методы и подходы, применяемые и традиционным, и неклассическим литературоведением к анализу, интерпретации литературного мотива, недостаточно эффективны в случае этого конкретного мотива. Они не могут в полной мере проявить и объяснить природу, сущность, смысловой, эстетический, этический объемы, внешние и внутренние границы, тенденции развития и положение *русского человека на rendez-vous* в словесно-культурном процессе. Во-вторых, показать, что *русский человек на rendez-vous* — это изначально сложное по своей сущности, уникальное явление национальной культуры, которое оказалось не только ведущим мотивом, под определенным углом зрения топосом русской словесности, но и своеобразным общественно-литературным мифом, претерпевшим почти все трансформации и ступени развития, присущие социальным мифам. Решение этих задач предполагает прояснение некоторых общетеоретических моментов, относящихся к сфере поисков не только литературоведения, но современной гуманитаристики в целом.

Момент первый. Различные по степени активности, проявления, значимости начала, «литературные следы», литературно-культурный код *русского человека на rendez-vous* присущи художественному миру А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Тургенева, И. Гончарова, А. Дружинина, А. Чехова, В. Брюсова, И. Бунина, Н. Гумилева, К. Бальмонта, А. Аверченко, П. Романова... *Русский человек на rendez-vous* и в советском, и в постсоветском литературоведении определяют по-разному: мотив, лейтмотив, сюжет, ситуация, сюжетная ситуация, ведущая тема, образ, тип. Он вписывается, с одной стороны, в дворянскую, пушкинскую, лермонтовскую, литературную традицию, для которой важны проблема героя, «“онегинский и печоринский” вопрос» [Пумпянский 2000: 390], с другой стороны, в типологический ряд *лишних людей, слабых людей*. При этом бесспорным является то, что *русский человек на rendez-vous* быстро вошел и стал активно формировать *творческую и генетическую* (С. Бочаров) память русской литературы и одновременно критики, литературоведения, образованного читателя. Он в полной мере относится к комплексу мотивов, которые «...поддерживают нацио-

нальную специфику литературы в течение столетий, поскольку, зарождаясь и видоизменяясь в новых обстоятельствах, они сохраняются веками...» [Сюжетно-мотивные комплексы...2012: 7].

Однако попытки проанализировать этот мотив так, как, например, мотивы *Наполеона, Мазены, Золушки, Феникса, дороги, метели, доброго царя, провинциала в столице*, не приводят к должному результату. *Русский человек на rendez-vous* все время оказывается на своеобразном напряженном перекрестке литературного, исторического, политического, идейного, культурного начал. Он сам и изначально создает этот перекресток, в результате чего методы, подходы, приемы, срабатывающие в условном пространстве художественного произведения, для которого значим этот мотив, малоэффективны, а то и вовсе бездейственны для применения ко всему русскому словесно-культурному процессу, актуализированному этим мотивом. *Русский человек на rendez-vous* все время оказывается неоднозначным, ускользающим в своей структурно-смысловой определенности и не знающим ценности в ответе на вопросы о своих мифологических, сказочных, сакральных истоках. Это один из неустраняемых парадоксов этого мотива. *Русский человек на rendez-vous* и есть традиционный литературный мотив, когда при соотношении плана мотива с планом художественного смысла сюжета «...нужно говорить именно о корреляции мотива и героя, который обнаруживает семантическую причастность к данному мотиву» [Сюжетно-мотивные комплексы 2012: 5], но и не сходен с ним. В отличие от традиционного мотива, когда постоянно воспроизводимая базисная структурно-смысловая схема является необходимым и достаточным основанием для определения его сути, *русский человек на rendez-vous* предполагает актуализацию не только литературной традицией, но социально-политическими, общественно-культурными, историческими условиями. *Русский человек на rendez-vous* — не только литературное явление, характеризующее словесно-культурный процесс, но и литературное явление, оказывающее сильное влияние на общественно-культурные умонастроения, и в то же время сильно зависящее от них. *Русский человек на rendez-vous* — это не только литературное явление, свойственное в качестве художественной константы художественно-эстетической национальной системе словесности, но и общественное явление, присущее в виде идейной константы социально-культурной жизнедеятельности русского общества и неизменно находящее отображе-

ние в его словесно-культурном процессе. Такого рода неустранимо двойственная природа *русского человека на rendez-vous* изначально ощущалась и осознавалась и критиками, и авторами, и читателями.

Уже в статьях 1858 г. Н. Чернышевского и П. Анненкова, в которых появилось и получило обоснование явление *русский человек на rendez-vous*, речь постоянно и одновременно шла о двух неразрывных и, что наиболее удивительно и показательно, почти однородных для критиков, читателей явлениях. Так, критики без перехода, дифференциации литературной и социальной действительности, говорили о художественных произведениях классиков русской литературы и о господствующих типах (героях) русской культурной жизни, а также об их историко-политических, общественных истоках, истории развития от эпохи Петра I и до середины XIX в. В этом плане показательны не только хрестоматийно известные рассуждения Н. Чернышевского, но и последние предложения статьи П. Анненкова: «...круг так называемых *слабых* характеров есть *исторический* материал, из которого творится самая жизнь современности. Он уже образовал как лучших писателей наших, так и лучших гражданских деятелей, и он же в будущем даст основу для всего дельного, полезного и благородного» [Анненков 1858. Курсив автора — Э. Ш.]. Как показательно, что и А. Герцен в конце статьи «Лишние люди и желчевники» (1860), подытоживая размышления о социально-культурных, общественно-политических проблемах современной ему России, пишет: «Я вам, пожалуй, укажу типы вреднее не только мертвых, но и живых лишних людей. — Какие же типы? — Ну, да хоть бы литературного *guffiano*» [Герцен 1958: т. 14, 327]. Такая, во многом правомерная, традиция закрепится надолго и будет одной из господствующих в советском литературоведении вплоть до конца 80-х гг. XX в. [См., например, История русской литературы в 4 томах 1980–1983; Лотман 1974; Лишние люди 1932; Макушинский 2003; Рейфман 1998]. Литературные герой и ситуация будут отождествляться с поведением русской интеллигенции в реальной жизни российского общества и причинами его социальной отсталости, неразвитости, политического состояния.

Русский человек на rendez-vous для участников словесно-культурного процесса — это неизменно сложное поливекторное и литературное, и общественное явление. Оно, во-первых, не позволяет относиться к себе только как к вымышленному, художественному, к которому достаточно в полной мере применить методологию мотив-

ного анализа, выясняя и обосновывая его общие мифологические, религиозные, литературные, национально-культурные истоки и смыслы. Все время остается некий неучтенный остаток, нечто ускользающее, что требует иного подхода для его понимания. Во-вторых, неизменная повторяемость, структурная, смысловая воспроизводимость, литературная и социально-культурная значимость для различных исторических периодов и эпох русского словесно-культурного процесса предполагают, что *русскому человеку на rendez-vous* присущи свойства и черты одновременно идеологического и мифологического порядка, когда важен уже не только культурный код первичного (архаического) мифа, но и иное. Прежде всего, имеется в виду сложное по своей природе, сущности единство, образующее национальную самобытность или то, что Х. Ортега-и-Гассет называл *национальная сплоченность*, когда происходит формирование и сохранение мифов о нации, точнее — национально-общественной мифологии. *Русский человек на rendez-vous*, будучи значимым и устойчивым литературно-общественным явлением, изначально и по сей день воспринимается, в отличие от типологически близких ему *лишних людей, слабых людей, сильных героев, маленького человека*, в качестве почти неоспоримой константной характеристики художественной литературы и национально-общественного, не зависящего от политических режимов, мировосприятия и модели, поведения [Макушинский 2003]. *Русский человек на rendez-vous* — это часть жизненного мира русской культуры, длительное время задающая основы, определяющая особенность того, что М. Фуко называет единством литературной и моральной мифологии, сильно и незаметно влияющей на «медленную работу сознания» общества, его социально-нравственные представления и практику, а также их нормы [Фуко 1997: 445–450]. В этом плане *русский человек на rendez-vous* может и должен быть отнесен к сфере идеологии, которая «...является сложным и противоречивым социальным феноменом. С одной стороны, она является рационально созданной и теоретически оформленной системой идей и программ действия. С другой стороны, идеологии присущ значительный элемент иррационализма. Подобная двойственность идеологии наряду с другими факторами (утопизм, аксиологическая составляющая) может быть объяснена в числе прочего ее взаимодействием с мифологией» [Цельковский 2011: 14].

Момент второй. Проблемы социальной мифологии, в контексте которых и необходимо рассматривать тему *русский человек*

na rendez-vous как общественно-литературный миф, изначально нацеливают на спектр таких актуальных последние четверть века понятий, представлений, как соотношение, взаимодействие первичной (архаичной) и вторичной (социальной) мифологий, идеология, культурная, социальная память и традиции, мифологема, идеологема. Этим проблемам посвящено немало исследований, прежде всего, философской и социологической направленности [См., например, Азина 2014; Азина 2013; Белоусова 1996; Вепрева, Шадрин 2006; Иванов 2017; Карамова 2015; Ковалева 1999; Косов 2011; Лазаренко 2014; Рязанова 2001; Рязанова 2013; Сидоров 2014], а также филологических [См., например, Тайманова, Легенькова 2013], при этом в первую и определяющую роль — лингвистических [См., например, Клущина 2014; Малышева 2009]. Хотя, как отмечается во всех работах, понятие идеологема введено в научный обиход М. Бахтиным, литературоведение почти не касается вопроса о сущности, принципах, особенностях формирования, реализации этого явления в художественном произведении, словесно-культурном процессе, оставляя его не только лингвистам, но и политологам, теоретикам массовой, социальной коммуникации [См., например, Каблуков 2012; Каблуков 2011; Малышева 2017; Тузиков 2002; Тузиков 2003]. Помимо того, современное, в том числе и отечественное литературоведение, почти не затрагивает вопросов социальной мифологии, ее реализации в пространстве художественного произведения, литературного процесса, несмотря на то, что миф, мифология давно стали предметом целенаправленного интереса исследователей. Словесность всегда принимала активное участие и в создании, и в нивелировании, и в возрождении героев, образов, тем социальной мифологии, то опасно приближаясь к границам идеологии и пропаганды, рискуя утратить сущность художественности, то сознательно и принципиально включаясь в общественные споры, показывая пример того, как художественное и эстетическое могут быть действенными в социально-культурных ситуациях. В связи с этим и для литературоведения комплекс проблем, связанных с социальной мифологией, тоже актуален.

Пассивное же отношение к комплексу проблем, определяемых социальной мифологией, не только обедняет, упрощает, выхолащивает литературоведческое понимание природы, специфики осуществления, развития словесно-культурного процесса, но и в определенной мере исключает его из общего процесса новоевропейской

культуры. В результате этого, с одной стороны, происходит примитивизация природы, принципов связей, отношений словесности с другими формами и практиками социально-исторической, культурной жизни, основ и сущности ее участия в создании социальной мифологии. С другой стороны, внутренние закономерности существования словесно-культурного процесса, принципы и особенности отражения в нем и ним объективной реальности тоже остаются в границах почти консервативных представлений о литературе как зеркале действительности. Однако стоит помнить, что литература — это крайне специфическое зеркало, которое не все, что видит, отображает; не все, что видит, преобразует причинно-следственным образом, обусловленным идейными, политическими, общественными, личными убеждениями автора; не все, что видит, проявляет тотчас. Словесно-культурный процесс, если уж и зеркало, то зеркало, которое руководствуется во многом собственной логикой. Как представляется, литературоведению необходимо двигаться снова к идеям Б. Эйхенбаума, Л. Пумпянского, В. Шкловского, которые почти век назад разрабатывали вопросы внутренней, самостоятельной (по отношению к социуму, истории, политике, идеологии) жизни и истории словесности и литературного процесса. С точки зрения *«внутренней истории»* (Б. Эйхенбаума) словесно-культурного процесса, можно понять, как сохраняется его национальное единство; как и почему он обретает, сохраняет и развивает свою самобытность не только во времени, но и в соседстве с другими национальными литературными системами; как и вследствие чего он сохраняет и оберегает национальное, социально-культурное единство; каким образом формирует, поддерживает, разрушает, возрождает социальную мифологию — неотъемлемую часть новоевропейской культуры, не становясь при этом вульгарным рупором идеологии и пропаганды.

Традиционный миф, появление и упрочнение в новоевропейской культуре социальной мифологии заставляют и по-иному, нежели привыкло традиционное литературоведение, посмотреть на многие, казалось бы, привычные художественно-литературные явления и представления. Если в отношении первичной мифологии уже давно понятно и принято, что «миф имманентен социальному бытию, пронизывает его основания, служит фундаментом для развития всех форм общественной деятельности и сознания, являясь нередуцируемым явлением» [Иванов 2017: 4], то с социальной мифологией все

сложнее. Если работу культурного кода первичного мифа в художественных произведениях и литературном процессе в целом литературоведение научилось, и достаточно хорошо, определять и анализировать, то с социальной мифологией все проблематичнее. В отличие от первичной мифологии, которой присущи стройная структура мироздания, устойчивый набор героев, образов, мотивов, тем, символов, ритуалов, социальная мифология представляет собой систему иного порядка. Российский исследователь А. Иванов пишет: «Социальная мифология <...> — это явление, появившееся относительно недавно, содержащее известную долю идеологических конструктов, то есть искусственного» [Иванов 2017: 21]. Принципиально важно то, что социальная мифология, в отличие от традиционной, — это не мифология реальных вещей, а «мифологии идей» [Иванов 2017: 63]. Это все предполагает нацеленность не только на общемировые, общеевропейские (как в случае с первичным мифом), но и на национальные конструкты, модели, образы, мотивы, мифологемы, идеологемы. Они предопределяют, формируют, закрепляют, кодифицируют, оберегают, развивают, изменяют, разрушают, возрождают, отображают национально-культурные, социально-исторические, общественно-политические, идеологические, ментально-повседневные особенности. И литературное произведение, и словесно-культурный процесс в этом плане не исключение, а один из ключевых пространств и жизнедеятельности, и создания, и трансформации социальной мифологии. Сильный момент искусственного, конвенционального, базирующегося на идеологии, в социальной мифологии обуславливает и ее сильную зависимость от национальных, общественных традиций, исторических ситуаций, политической конъюнктуры, повседневности, сменяемости господствующих умонастроений и факторов, их вызвавших. В социальной мифологии архетип и тип, константное и изменяемое, базисное и вариативное, традиции и новаторство находятся в иных взаимоотношениях, нежели в традиционной мифологии.

Судя по изначальному, заданному критикой, восприятию, формированию устойчивых направлений рецепции, истории *длинной жизни* (С. Бочаров) *русского человека на rendez-vous*, он относится к сфере социальной мифологии, определяющей мировоззрение, мировосприятие, идеологию и повседневность национальной культуры. *Русский человек на rendez-vous* — это репрезентант *мифологии идей*. Здесь ключевым оказывается формирование и длительное

существование идей, которые образуют национальную культуру, делая это подобно традиционному мифу, вросшему, по словам Ю. Бородай, в основания наших «...самых простых — само собою понимающихся — эмоций, оценок, суждений, проявляющему себя в устоявшихся обиходных словечках, оборотах речи, нарицательных именах» [Бородай 1990: 175–176]. *Русский человек на rendez-vous*, будучи признанным и необходимым мотивом для многих русских писателей, так реализует и проявляет механизмы и принципы, модели *мифологии идей*, что становится понятно: он, подобно первичному мифу, но уже в сфере социально-национальной мифологии уникален и «...задал этой культуре исходный набор ценностей, образов, знаков...» [Бородай 1990: 176]. Через мотив *русского человека на rendez-vous*, который то бесспорно приближается, становится почти тождественным явлению *лишних людей, слабых людей*, то несомненно отдаляется от них в сферу поиска и обоснования идеи *сильного человека*, героя, красоты и трагизма чувств, уединенного сознания, я, времени, философии экзистенциализма, формируется и осуществляется сложная и стройная система социально-национальных идей, центр которой — идея испытания личности (не)совершенным выбором; ценности и значимости личности, обреченной жить ощущением, *перепереживанием* (Р. Грюбель) невозвратности и невозможности любви и счастья.

В этом плане нельзя не согласиться с утверждением А. Иванова: «Являясь одним из ведущих инструментов воздействия на ключевые общественные процессы, социальная мифология остается при этом в тени основных событий. Такое “тенивое” положение социальной мифологии двойственно <...> теория современной социальной мифологии, в отличие от теории классических мифов, находится на стадии формирования; соответственно, нет и целостного подхода к изучению социальных мифов, нет готовых схем объяснения общественных явлений и процессов в рамках понятий социальной мифологии» [Иванов 2017: 3]. Одна из задач и для специалистов, занимающихся общими вопросами социальной мифологии, и для литературоведов, чьи интересы оказались в сфере действия мифологии, в том числе социальной, выяснить и обосновать основы, механизмы, принципы, схемы, модели ее воздействия на общественные, шире — социально-культурные процессы и явления. Кроме того, выявить и обозначить ее героев, трикстеров, принципы, закономерности их появления, развития, причины активизации и угасания, по-

казать комплекс тем и проблем, традиций и ритуалов, сопряженных с ними. В этом плане *русский человек на rendez-vous* — явление, позволяющее одновременно максимально полно, системно и разнонаправленно исследовать и социальную, политэкономическую, идеологическую, национально-культурную сферы, и «внутреннюю жизнь» (Б. Эйхенбаум) русского словесно-культурного процесса на протяжении длительного, почти 200-летнего, периода.

Момент третий. Художественная критика, литературоведение всегда чутко ощущали специфику взаимосвязей, взаимоотношений словесности и социально-культурной действительности, выявляя и обосновывая их сущность через различные понятия, категории, явления, подходы, системы координат. Для русской критической и литературоведческой традиций проблема отношений словесности, автора и действительности всегда была предельно актуальной и сложной, в смысле напряженной, неоднозначной, требующей едва ли не постоянных, жизненно важных прояснений, определенных, осмыслений.

Так, далеко не случайно, что работа Д. Овсяннико-Куликовского «История русской интеллигенции» в 1903–1910 гг. «...впервые была опубликована под названием “Итоги русской художественной литературы XIX века” в журнале “Вестник воспитания”» [Овсяннико-Куликовский 1989: т. 2 с. 487]. Это подведение итогов одновременно и длительного периода развития русской культуры (прежде всего, культурного труда интеллигенции), и литературы, и их героев или, как это обозначает Д. Овсяннико-Куликовский, общественно-психологических типов. В 1914 г. эта работа под названием «История русской интеллигенции» вышла в собрании сочинений. Во «Введении» к ней Д. Овсяннико-Куликовский пишет об особой роли русской интеллигенции, которая появилась и развивается в России как «стране отсталой и запоздалой» [Овсяннико-Куликовский 1989: т. 2 с. 4] в своем развитии. Он акцентирует внимание на том, что история такой интеллигенции, которая задается «...недоуменными вопросами вроде: “что такое интеллигенция и в чем смысл ее существования?”, “кто виноват”, что она не находит настоящего дела?”, “что делать?”...», и «есть история <...> недоуменных и мудреных вопросов» [Овсяннико-Куликовский 1989: т. 2 с. 4, 5. Курсив автора — Э. Ш.].

Для Д. Овсяннико-Куликовского, как и для всей русской критики, словесность — это не только зеркало действительности, но прост-

ранство создания основополагающих, безусловно, сильных в своем влиянии на умонстроения образов, общественно-психологических типов, которые возможно обозначить и как идеологемы, русской национально-общественной, социально-исторической, повседневной жизни. Понятно, что, формулируя этот тезис, критик играет хорошо известными названиями художественных и критических произведений — общественно-литературными символами русской классической культуры. Значимо и показательно, с точки зрения сущности, основ, принципов формирования и проявления социальной мифологии через словесность, как Д. Овсяннико-Куликовский обосновывает, почему «такая “история”, по необходимости, превращается в *психологию*» [Овсяннико-Куликовский 1989: т. 2, с. 5. Курсив автора — Э. Ш.]. В этом моменте и появляется еще не названное, но уже актуальное предчувствие идеологемы как «...универсалии <...> дискурсов тенденциозных, мировоззренчески ориентирующих» [Клушина 2014]. А то, что для русской классической словесности задача формирования, ориентации мировоззрения и героев, идей, его репрезентирующих, была одной из основополагающих, общеизвестно.

В двух абзацах первой части «Введения» Д. Овсяннико-Куликовский четко обозначает сущность русского общественно-литературного мифа, который уже активно развивался как неотъемлемая часть общей социальной мифологии. Основная цель и задача этой работы, измененное название которой проясняет природу, сущность основного социального мифа и его общественно-психологических типов, коих можно определить и как идеологемы, видится Д. Овсяннико-Куликовским сквозь призму все того же национально значимого нераздельного единства литературы и общественных настроений. Чаадаев, Пушкин, Тургенев... и повторяющиеся литературные ситуации, герои их произведений фактически сосуществуют как равноправные, равноценные активные действующие лица русской культуры и общественной жизни, повседневности. Он пишет: «Приходится выяснять психологию интеллигентского “горя”, происшедшего от интеллигентского “ума”, — от самого факта появления этого ума в стране запоздалой и отсталой. Приходится вскрывать психологические основы скуки Онегина, объяснять, почему Печорин попусту растратил свои богатые силы, почему скитался и томился Рудин и т. д. На первый план изучения выступает психология исканий, томлений мысли, душевных мук идеологов, “отщепенцев”, “лишних людей”, их преемников в пореформенное время — “кающихся дво-

рян”, “разночинцев” и т. д.» [Овсяннико-Куликовский 1989: т. 2 с. 5]. Этот ряд общественно-психологических типов объединяет неразрешимая антитеза «богатства наших идеологий, доходившего нередко до изысканности», и нашей культурной отсталости и бедности [Овсяннико-Куликовский 1989: т. 2 с. 5].

Здесь наблюдается все та же, заданная русской критикой, традиция сложного, разнородного единства, через которое осуществляется сильное и незаметное зарождение, развитие и влияние идеологем. Это и есть тонкий мифологический синкретизм различных (художественно-литературной, критической, социальной, повседневной) реальностей, не приводящий к абсурду, хаосу в рассуждениях и представлениях благодаря мифологическим ощущениям единства, гармоничности мира. В этом плане идеи Д. Овсяннико-Куликовского близки, точнее, во многом являются предтечей социально-мифологических, культурно-политических теорий XX столетия, позволивших М. Фуко рассуждать об особенностях проявления литературно-моральной мифологии в социальном сознании и практике общественно значимых выборов и поступков, а А. Иванову сделать убедительный вывод: «Социальная мифология — это аксиологически нагруженный феномен, образующий систему мифов о процессах общественного развития, обществе в целом, оказывающий существенное влияние на общественное сознание и приводящий к активизации деятельности отдельных социальных групп, всего социума» [Иванов 2017: 63].

Русский человек на rendez-vous, который русской критикой и советским литературоведением вписан в ряд общественно-психологических типов *отщепенцев, неудачников, слабых, лирических людей*, — это четкая и константная словесная форма, репрезентирующая аксиологически нагруженный и принятый русским обществом феномен. Через него проявляется одновременно и специфика устойчивого набора тем, проблем, моделей поведения героев русского литературного процесса; и особенности их рецепции национально-общественными умонастроениями, при всей их естественной изменчивости, обладающих неизменными свойствами. Об этом, например, свидетельствует поведение в ситуации решающего свидания и (не)совершенный на нем выбор и Онегина, и Печорина, и Обломова, и тургеневских Санина, и г-на N, и Базарова, и героев чеховских новелл, и произведений И. Бунина, и столь разных героев — старорежимного интеллигента («Видение») и студента-комсомольца

(«Без черемухи») — из рассказов П. Романова. *Русский человек на rendez-vous* — это не только один из основополагающих литературных мотивов; не только настойчиво повторяющаяся литературная ситуация, представляющая развитие ключевого для русской интеллигенции общественно-психологического типа; но и идеология, через которую «...социальная мифология предоставляет человеку некий набор схем, алгоритмов поведения, в соответствии с которыми ему легче дополнить картину мира» [Иванов 2017: 107]. О правильности такого толкования *русского человека на rendez-vous* свидетельствует не только сам словесно-культурный процесс, но его восприятие, интерпретация литературоведением, в том числе и тем, которое минимально причастно к господствующим, официально-государственным направлениям.

В цикле статей конца 20-х гг. XX столетия о творчестве И. Тургенева Л. Пумпянский четко сформулировал и дал концептуальный ответ на ряд вопросов, которые касаются сложной, двойственной — общественно-литературной — природы героев и авторов русского словесно-культурного процесса. Сделал это Л. Пумпянский в присущей ему манере литературоведа-энциклопедиста, сквозь призму сравнительно-литературного сопоставления. В историко-литературном очерке «Романы Тургенева и роман “Накануне”» (1929–1930) в разделе, посвященном «...вопросу о непродуктивной социальной личности (о “лишнем человеке”», который у нас принято считать местным социальным и литературным вопросом...» [Пумпянский 2000: 387], Л. Пумпянский настаивает на двух важных проблемах. Кстати, они до сих пор так и не были услышаны русистикой. Во-первых, вопрос о *лишних людях* и задаваемой ими литературной традиции «...следует ставить в общеевропейском плане» [Пумпянский 2000: 387]. Во-вторых, и это особенно важно для предмета нашего анализа, исследователь предельно однозначно, четким вопросом обозначает принципиальное различие между европейской и русской литературными и общественными культурами: «Почему “лишний человек”, герой нескольких романов западной литературы первой половины века, стал едва ли не главным героем всей русской литературы в период ее высшего развития и оригинальности?» [Пумпянский 2000: 388]. В качестве понятий, наиболее полно и адекватно позволяющих найти и обосновать ответ на этот вопрос, Л. Пумпянский выбирает не только сугубо литературную проблему *героя, героического романа*, но и понятия *социального самоотчета*. При этом весьма показатель-

но, что литературовед обосновывает понятия *социального, классового самоотчета* не столько в риторике советского идеологического языка, как это может показаться на первый взгляд, но философско-социальной традиции, укорененной в эпохе Просвещения, немецкой классической философии. Почти через сто лет к аналогичным трактовкам обратятся и специалисты по социальной мифологии, особенно М. Фуко. Однако сейчас речь об ином.

Для Л. Пумпянского, анализирующего русский словесно-культурный процесс и одного из его ключевых героев — *лишнего человека*, — к типологическому ряду которого отчасти относится многими критиками, исследователями и *русский человек на rendez-vous*, важно акцентировать внимание на следующем. Во-первых, рассматривать этот комплекс проблем необходимо в контексте «героического романа», точнее «культурно-героического романа», в котором «...совершается непрерывный суд над лицом, — не над поступками, а над лицом, так что поступки имеют лишь симптоматическое значение. Вопрос идет не о качестве отдельных действий, а об общей социальной качественности героя» [Пумпянский 2000: 391, 381]. Во-вторых, о тургеневской линии развития литературы, когда «...Тургеневу пришлось через голову литературы 1840-х гг. восстановить утерянную традицию»: «умственную культуру», «культурную насыщенность», «...главную тему Пушкина, тему суда над социальной качественностью передового деятеля, великую тему Онегина» [Пумпянский 2000: 390]. В-третьих, для «пушкинско-тургеневской» традиции специфически важен общественный смысл литературы как реализация ее социальной роли, еще точнее, роли социального самоотчета, *без или вне* которого она «...потеряла бы половину цены и общественного смысла (мы имеем в виду именно общественную, а не эстетическую критику...)» [Пумпянский 2000: 385]. В-четвертых, для тургеневской традиции, благодаря которой «...героический роман представляется нам типично русским литературным жанром» [Пумпянский 2000: 385], характерно то, что «...поступок героя сам по себе никогда не относится к категории квалификационных, зато он обличает какое-либо квалификационное состояние лица (например, чаще всего, общую жизненную несостоятельность)» [Пумпянский 2000: 381–382].

Для Л. Пумпянского, во многом подытожившего развитие русской художественной словесности и критики, важно обосновать с позиции не ангажированного наступающей пропагандой литературоведа

значимую своей сложностью и двуединостью природу национально-автора и героя: общественно-литературную. Размышляя о ключевых литературных традициях, жанрах, героях, ситуациях, он акцентирует внимание на том, что их объединяет, вводя интересное, тоже двойственное по стилистической формулировке понятие: *квалификационное состояние лица*. Действительно, его можно причислить к наиболее удачным и емким определениям онегинско-тургеневского типа героя, который критика обозначила в качестве *русского человека на rendez-vous*, относя к общему типологическому ряду *лишних людей, слабых людей*. В этом определении сошлись и, удерживая тонкое и хрупкое научно-идейное равновесие, реализовались и собственно литературное, и социально-нравственное представления о русской интеллигенции. Ключевым в этом понятии есть, на чем постоянно акцентирует внимание Л. Пумпянский, представление об определяющей роли характера героя, тех его качеств, которые обуславливают «...право выбора жизненного пути» [Пумпянский 2000: 386] и события, причины, поступки героя, ставшие причиной отказа ему в этом выборе. Герой *русского человека на rendez-vous* — это герой в полном смысле. Одновременно и в литературном смысле: *русский человек на rendez-vous* выдерживает «суд жизни» и, главное, «...вообще подвергает себя неизвестности этого суда» [Пумпянский 2000: 381]. И в общественном смысле: в *русском человеке на rendez-vous* постоянно и длительное время, начиная с 20-х гг. XIX в. и до его конца, реализуется дворянское самосознание, происходит и отображается его «...социальный самоанализ, социальное сомнение в себе, лежащее в основе всякого классового самоотчета, — обычно сопутствует процессу переживания классом своей собственной исторической роли» [Пумпянский 2000: 388].

Пожалуй, можно говорить о том, что в статьях Л. Пумпянского, посвященных творчеству И. Тургенева и проблемам русского словесно-культурного процесса, еще удерживается, вопреки наступающему господству советской идеологии, представление о значимости *русский человек на rendez-vous* и его типологического ряда, жанровой системы, как репрезентанта социально-литературного единства. После 1830-х гг. господствующими становятся, о чем свидетельствует анализ литературоведческих работ, идеи иного порядка, обусловленные политическими представлениями. В результате чего *русский человек на rendez-vous* рассматривался преимущественно как общественно-политический тип, нашедший

отображение в произведениях классиков русской художественной литературы и ее критиках, во-первых. Во-вторых, он в доминирующем направлении советского литературоведения не воспринимался как самостоятельный литературный мотив или же ситуация, его определение и анализ, преимущественно, ограничивались жанровым своеобразием социальной прозы, типов ее героев и особенностями идейных позиций авторов произведений. Таким образом, *русский человек на rendez-vous*, как литературная идеологема, целенаправленно вписывался в классовый миф как часть социальной мифологии.

Подытоживая, следует акцентировать внимание на следующих моментах. *Русский человек на rendez-vous* как общественно-литературный миф появился в русской словесности и получил максимальное признание, коллективную поддержку интеллигенции, ее отклики в эпоху становления и расцвета оригинальности, национальной самобытности русской культуры. Это был период, когда российское общество «...начало понимать, какие силы, какие породы людей, какие типы и категории деятелей оно имеет в своем распоряжении, иными словами — отдает себе отчет в человеческом материале своих двигателей, своих деятелей и вождей» [Пумпянский 2000: 384]. Угасание *русского человека на rendez-vous* как общественно-литературного мифа, его возврат в границы художественной словесности, постепенная маргинализация в художественно-литературном процессе, стремление отойти от социально-нравственной проблематики и проявить через себя нравственно-психологические моменты трагической игры и выбора, обусловленные преимущественно страстью, соблазном, капризом, обнаружившимися безднами я, происходит на рубеже XIX–XX столетий. Это тот период развития российского общества, когда происходит активная общеевропейская трансформация социально-рациональных, религиозных, нравственно-моральных систем, норм ценностей, и их национальная трансформация, основанные, в том числе, по идее Ю. Бородаев, на неразрывном единстве древней мифологии и классической философии. Ю. Бородаев пишет: «...принцип философии Канта есть по существу принцип теологический. Это — принцип свободы воли, т. е. главный принцип Нового Завета...» (курсив автора — Э. Ш.) [Бородаев 1990: 178], а, значит, и свободы, необходимости личной ответственности за (не)сделанный выбор и совершенные или нет поступки.

После социально-политического катаклизма 1917 года, когда русская литература, как часть русской культуры, развивалась в двух ключевых направлениях — советском и эмигрантском, — *русский человек на rendez-vous* оказывается в сложном и во многом показательном, с социально-идеологической, национально-культурной точки зрения, положении. В эмигрантской литературе (например, в новеллистике И. Бунина) *русский человек на rendez-vous* в качестве литературного мотива продолжает активно развиваться, проявляя свою константную значимость для единого, непрерывного в своем существовании национального словесно-культурного процесса. Советской литературе, прежде всего раннего — 1920–1930-х гг. — периода (например, рассказы П. Романова [Шестакова 2019]), *русский человек на rendez-vous* хотя и присущ в качестве одного из социально-нравственных отголосков, «литературных следов» классической русской словесности, но не в этом заключается его определяющая роль. Для советской критики, идеологии, начиная с 20-х гг. и до начала 90-х гг. XX в. (например, статьи в литературных энциклопедиях и коллективных историях русской литературы) *русский человек на rendez-vous* — в качестве официального рупора идей демократического направления российского дореволюционного общества — трансформируется в идеологему, закрепляющую и демонстрирующую общественно-исторические, политические истоки и предпосылки Октябрьской революции и заданного ею миропорядка.

Русский человек на rendez-vous, нивелируясь в качестве одного из основных, национально объединяющих литературных мотивов в русской советской литературе, максимально активизируется в пространстве идейно-политического воспитания: статья Н. Чернышевского и заданные ею трактовки русской классической литературы были обязательны для изучения в советской общеобразовательной школе и филологических факультетах университетов и пединститутов. *Русский человек на rendez-vous*, в качестве одного из составляющих государственного социального мифа, призван был в советской системе демонстрировать единую историческую перспективу, ряд общественно-литературных типов и гармонию социального мироздания, базирующегося на идейно-классовом принципе и борьбе.

Только в конце 1990 — начале 2000-х гг. в литературоведении происходит возврат к собственно художественно-литературному видению и исследованию *русского человека на rendez-vous*. Это, с одной сто-

роны. С другой стороны, *русский человек на rendez-vous* для 2000-х гг. по-прежнему продолжает восприниматься в качестве национально объединяющей мифологемы. Эта мифологема уже утратила свою советскую идейно-политическую наполненность, но позволяет — через советскую эпоху — восстановить оригинальную черту русского национального характера, дающую возможность и совершаться процессу самосознания, и удачно, с риторической точки зрения, описывать это в стойкой словесной формуле (идеологеме). В свою очередь это приводит к тому, что *русский человек на rendez-vous* одновременно и утрачивает свое определенное семантическое наполнение, приближаясь почти к семантической опустошенности, о чем свидетельствуют названия статей, в которых используется словосочетание «*русский человек на rendez-vous*». Но в то же самое время он закрепляется в качестве национально определяющей идеологемы, характеризующей неизменность российского национально-государственного устройства. Например, статьи о взгляде русского человека на социально-политические события на Востоке («Русский человек на rendez-vous с гонконгской революцией» [Шибков 2014]), или же рассуждения о европейской теме в современной русской литературе («Русский человек на rendez-vous с Европой» [Шпаков 2012]), или же о политике Путина («Тема недели: русский человек на rendez-vous с Европой» [«Тема недели...» 2013]; «Русский человек на rendez-vous» [Веллер 2015]).

В результате такой долгой и напряженной жизни и сложной истории русского человека на rendez-vous в качестве одного из общественно-литературных мифов происходит его вписывание в русскую социальную мифологию, которую он же во многом создает, поддерживает, развивает, выступая одновременно основой и для национального самосознания, самопонимания, и для восприятия другими национальными культурами. Все это предполагает корректировку подходов и методов исследования *русского человека на rendez-vous*.

ЛИТЕРАТУРА

Азина О. А. Мифодизайн как средство формирования имиджа современной России в европейском общественном мнении. // Дисс. на соиск. уч. ст. к.соц.н. М., 2014. 188 с.

Азина О. А. Социальная мифология как особый тип идеологического сознания. // Теория и практика общественного развития. 2013. №5. С. 85–87. [Электронный ресурс] URL: <http://teoria-practica>.

ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/5/s%D0%BEc%D0%BE%D0%BEg%D0%B0/azina.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

Анненков П. В. Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской «Аси». [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0163.shtml (дата обращения: 10.04.2021).

Белоусова С. А. Иллюзорные формы обыденного сознания: механизмы их образования. // Автореф. на соиск. уч. ст. к. филос. н. Ставрополь, 1996. 21 с.

Бородай Ю. Миф и культура. // *Опыты. Литературно-философский сборник.* М.: Совет. пис., 1990. С. 175–209.

Веллер М. Русский человек на rendez-vous // «Эхо Москвы», 10 июля 2015 г. [Электронный ресурс] URL: https://echo.msk.ru/blog/weller_michael/1582370-echo (дата обращения: 10.04.2021).

Вепрева И. Т., Шадрина Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация понятий. [Электронный ресурс] URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3625/2/prof_uieup_3_vepreva_1.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 14. [Электронный ресурс] URL: <http://philolog.petrstu.ru/herzen/texts/30tt.html> (дата обращения: 10.04.2021).

Иванов А. Г. Социальная мифология и ее роль в развитии общества. // Дисс. на соиск. уч. ст. д. филос. н. Липецк, 2017. 334 с.

История русской литературы в 4 томах. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980–1983. [Электронный ресурс] URL: <http://febweb.ru/feb/irl/default.asp?feb/irl/r10/r13/r13.html> (дата обращения: 10.04.2021).

Каблуков Е. В. Официальные идеологемы: специфика функционирования в современном российском медиадискурсе. // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История. Филология.* 2012. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnye-ideologemy-spetsifika-funktsionirovaniya-v-sovremennom-rossiyskom-mediadiskurse> (дата обращения: 10.04.2021).

Каблуков Е. В. Специфика функционирования официальных идеологем в современном российском медиадискурсе. // *Lingua mobilis.* 2011. № 3(29). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-funktsionirovaniya-ofitsialnyh-ideologem-v-sovremennom-rossiyskom-mediadiskurse> (дата обращения: 10.04.2021).

Карамова А. А. Идеологемы: определение понятия и типология // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2–1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20815> (дата обращения: 10.04.2021).

Клушина Н. И. Теория идеологем. // Политическая лингвистика. 2014. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ideologem> (дата обращения: 10.04.2021).

Ковалева Т. И. Миф как феномен социальной реальности. // Автореф. на соиск. уч. ст. к. филос. н. М., 1999. 22 с. [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/mif-kak-fenomen-sotsialnoy-realnosti> (дата обращения: 10.04.2021).

Косов А. В. Феномен мифосознания: от мироощущения к мировосприятию. // Вестник НГУ, Серия: Психология. 2011. Т. 5, выпуск 2. С. 28–34. [Электронный ресурс] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17104280_59387338.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

Лазаренко К. Л. Миф древний и современный: общее и особенное. // Человек в мире культуры. 2014. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-drevniy-i-sovremennyy-obshee-i-osobennoe> (дата обращения: 10.04.2021).

Лишние люди // Литературная энциклопедия: В 11 томах. [М.], 1929–1939. Т. 6. М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1932. Стб. 514–540. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le6/le6-5143.htm> (дата обращения: 10.04.2021).

Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие). Л.: Наука, 1974. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lotman.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5848> (дата обращения: 10.04.2021).

Макушинский А. Отвергнутый жених, или Основной миф русской литературы XIX века // Вопросы философии. № 7. 2003. С. 35–43.

Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация. // Политическая лингвистика. 2009. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologema-kak-lingvokognitivnyy-fenomen-opredelenie-i-klassifikatsiya> (дата обращения: 10.04.2021).

Мальшева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. М.: Флинта, 2017. 370 с.

Овсяннико-Куликовский Д. В. Из «Истории русской интеллигенции» // Овсяннико-Куликовский Д. В. Литературно-критические работы. В 2 томах. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. 526 с.

Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.

Рейфман П. «Новый человек» на rendez-vous: (роман И. С. Тургенева «Накануне») // Тр. по рус. и славян. филологии. Литературоведение. Тарту, 1998. № 1. С. 124–145.

Рязанова С. В. Политическая мифология как актуальная проблема гуманитарных дисциплин // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 86–96. [Электронный ресурс] URL: <http://essocman.hse.ru/data/2013/02/04/1251417077/Ryazanova.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).

Рязанова С. В. Политический миф как апогей развития социального мифа. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 4. С. 35–38. [Электронный ресурс] URL: <http://gsen.sfedu.ru/articles2013/issue4/4-8a.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).

Сидоров Е. С. Межпоколенческая конфликтность как феномен и представление: социально-философский анализ. // Автореф. на соиск. уч. ст. к. филос. н. Красноярск, 2014. 22 с.

Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. / ответ ред. Чл.-кор РАН Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2012. 311 с.

Тайманова Т. С., Легенькова Е. А. Жана д'Арк: мифология и идеология. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, Востоковедения, Журналистика. 2013. Вып. 3. С. 100–107.

«Тема недели: русский человек на rendez-vous с Европой» // «Радио Свобода», 13 апреля 2013 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.svoboda.org/a/24954861.html> (дата обращения: 10.04.2021).

Тузиков А. Р. Масс-медиа: идеология видимая и невидимая // Политнаука. Политология в России и мире. Полис. 2002. № 5. [Электронный ресурс] URL: <http://www.politnauka.org/library/prikl/tuzikov.php> (дата обращения: 10.04.2021).

Тузиков А. Р. Теории идеологии в западной социологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурсивных практик масс-медиа. // Автореф. на соиск. уч. ст. д. соц. н. М., 2003. 60 с.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб: Университетская книга, 1997. 576 с.

Цельковский А. А. Мифология и идеология: роль рациональности в их взаимодействии. // Автореф. на соиск. уч. ст. к. филос. н. М., 2011. 33 с.

Шестакова Э. Г. Мотив русский человек на rendez-vous как зеркало позиции литератора-критика-литературоведа // “Toronto Slavic

Quarterly”, номер №62, 2017 г. [Электронный ресурс] URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/index.shtml> (дата обращения: 10.04.2021).

Шестакова Э. Г. Коллизия национального самосознания и советской идеологии в мотиве русский человек на rendez-vous (на материале рассказов Пантелеймона Романова «Видение» и «Без черемухи»). // *Studia Wschodniosłowiańskie*. 2019. Т. 19. С. 217–238. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/343145446_Kollizija_nacionalnogo_samosoznania_i_sovetskoj_ideologii_v_motive_russkij_celovek_na_rendez-vous_na_materiale_rasskazov_Pantelejmona_Romanova_Videnie_i_Bez_ceremuhi. (дата обращения: 10.04.2021).

Шестакова Э. Г. Мотив русский человек на rendez-vous: между мифом и идеологемой // *Серебряный век: диалог культур*. Одесса: Астропринт, 2018. С. 396–413.

Шибков А. Русский человек на rendez-vous с гонконгской революцией. // *Кашин* 5 ноября 2014 г. [Электронный ресурс] URL: <http://kashin.guru/2014/11/05/umbrellas/> (дата обращения: 10.04.2021).

Шпаков В. Русский человек на rendez-vous с Европой // *Дружба народов*. 2012. №10. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2012/10/sh19.html> (дата обращения: 10.04.2021).

REFERENCES

Azina O. A. Mifodizajn kak sredstvo formirovanija imidzha sovremennoj Rossii v evropejskom obshhestvennom mnenii. // *Diss. na soisk. uch. st. k.soc.n. M.*, 2014. 188 s.

Azina O. A. Social'naja mifologija kak osobyj tip ideologicheskogo soznanija. // *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2013. №5. S. 85–87. [Available from] URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/5/s%D0%BEci%D0%BEI%D0%BEgy%D0%B0/azina.pdf (accessed: 10.04.2021).

Annenkov P. V. Literaturnyj tip slabogo cheloveka. Po povodu turgenevskoj “Asi”. [Available from] URL: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0163.shtml (accessed: 10.04.2021).

Belousova S. A. Illjuzornye formy obydenного soznanija: mehanizmy ih obrazovanija. // *Avtoref. na soisk. uch. st. k.filos.n. Stavropol'*, 1996. 21 s.

Borodaj Ju. Mif i kul'tura. // *Opyty. Literaturno-filosofskij sbornik*. M.: Sovet. pis., 1990. S. 175–209.

Veller M. Russkij chelovek na rendez-vous // “Jeho Moskvu”, 10 ijulja 2015 g. [Available from] URL: https://echo.msk.ru/blog/weller_michael/1582370-echo (accessed: 10.04.2021).

Vepreva I. T., Shadrina T. A. Ideologema i mifologema: interpretacija ponjatij. [Available from] URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3625/2/prof_uieup_3_vepreva_1.pdf. (accessed: 10.04.2021).

Gercen A. I. Sobranie sochinenij v 30 tomah. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. T. 14. [Available from] URL: <http://philolog.petrstu.ru/herzen/texts/30tt.html>. (accessed: 10.04.2021).

Ivanov A. G. Social'naja mifologija i ejo rol' v razvitii obshhestva. // Diss. na soisk. uch. st. d.filos.n. Lipeck, 2017. 334 s.

Istorija ruskoj literatury v 4 tomah. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1980–1983. [Available from] URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/default.asp?/feb/irl/r10/r13/r13.html> (accessed: 10.04.2021).

Kablukov E. V. Oficial'nye ideologemy: specifika funkcionirovanija v sovremennom rossijskom mediadiskurse. // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. Filologija. 2012. [Available from] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnye-ideologemy-spet-sifika-funktsionirovaniya-v-sovremennom-rossijskom-mediadiskurse> (accessed: 10.04.2021).

Kablukov E. V. Specifika funkcionirovanija oficial'nyh ideologem v sovremennom rossijskom mediadiskurse. // *Lingua mobilis*. 2011. № 3 (29). [Available from] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-funktsionirovaniya-ofitsialnyh-ideologem-v-sovremennom-rossijskom-mediadiskurse> (accessed: 10.04.2021).

Karamova A. A. Ideologemy: opredelenie ponjatija i tipologija // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. 2015. № 2–1. [Available from] URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20815> (accessed: 10.04.2021).

Klushina N. I. Teorija ideologem. // *Politicheskaja lingvistika*. 2014. [Available from] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ideologem> (accessed: 10.04.2021).

Kovaljova T. I. Mif kak fenomen social'noj real'nosti. // *Avtoref. na soisk. uch. st. k.filos.n. M.*, 1999. 22 s. [Available from] URL: <http://cheloveknauka.com/mif-kak-fenomen-sotsialnoy-realnosti> (accessed: 10.04.2021).

Kosov A. V. Fenomen mifosoznanija: ot miroshhshhenija k mirovoprijatiju. // *Vestnik NGU, Serija: Psihologija*. 2011. T. 5. Vyp. 2. S. 28–34. [Available from] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17104280_59387338.pdf (accessed: 10.04.2021).

Lazarenko K. L. Mif drevnij i sovremennyj: obshhee i osobennoe. // *Chelovek v mire kul'tury*. 2014. [Available from] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-drevnij-i-sovremennyj-obshee-i-osobennoe> (accessed: 10.04.2021).

Lishnie ljudi // *Literaturnaja jenciklopedija*: V 11 tomah. [M.], 1929–1939. T. 6. M.: OGIZ RSFSR, gos. slovarno-jencikl. izd-vo "Sov. Jencikl.", 1932. Stb. 514–540. [Available from] URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le6/le6-5143.htm> (accessed: 10.04.2021).

Lotman L. M. Realizm russkoj literatury 60-h godov XIX veka (Istoki i jesteticheskoe svoeobrazie). L.: Nauka, 1974. [Available from] URL: <http://www.lotman.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5848> (accessed: 10.04.2021).

Makushinskij A. Otvergnutyj zhenih, ili Osnovnoj mif russkoj literatury XIX veka // *Voprosy filosofii*. №7. 2003. S. 35–43.

Malysheva E. G. Ideologema kak lingvokognitivnyj fenomen: opredelenie i klassifikacija. // *Politicheskaja lingvistika*. 2009. [Available from] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologema-kak-lingvokognitivnyj-fenomen-opredelenie-i-klassifikatsiya> (accessed: 10.04.2021).

Malysheva E. G. Russkij sportivnyj diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie. M.: Flinta, 2017. 370 s.

Ovsjaniko-Kulikovskij D. V. Iz "Istorii russkoj intelligencii" // *Ovsjaniko-Kulikovskij D. V. Literaturno-kriticheskie raboty*. V 2 tomah. M.: Hudozh. lit., 1989. T. 2. 526 s.

Pumpjanskij L. V. Klassicheskaja tradicija: Sbornie trudov po istorii russkoj literatury. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 864 s.

Rejzman P. "Novyj chelovek" na rendez-vous: (roman I. S. Turgeneva "Nakanune") // *Tr. po rus. i slavjan. filologii. Literaturovedenie*. Tartu, 1998. №1. S. 124–145.

Rjzanova S. V. Politicheskaja mifologija kak aktual'naja problema gumanitarnyh disciplin // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. №1. S. 86–96. [Available from] URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/04/1251417077/Ryazanova.pdf> (accessed: 10.04.2021).

Rjzanova S. V. Politicheskij mif kak apogej razvitija social'nogo mifa. // *Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki*. 2013. №4. S. 35–38. [Available from] URL: <http://gsen.sfedu.ru/articles2013/issue4/4-8a.pdf> (accessed: 10.04.2021).

Sidorov E. S. Mezhpokolencheskaja konfliktnost' kak fenomen i predstavlenie: social'no-filosofskij analiz. // *Avtoref. na soisk. uch. st. k. filos. n. Krasnojarsk*, 2014. 22 s.

Sjuzhetno-motivnye kompleksy russkoj literatury./otvet red. Chl.-kor
RAN E. K. Romodanovskaja. Novosibirsk, 2012. 311 s.

Tajmanova T. S., Legen'kova E. A. Zhana d'Ark: mifologija i ideologija. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9. Filologija, Vostokovedenija, Zhurnalistika. 2013. Vyp. 3. S. 100–107.

“Tema nedeli: russkij chelovek na rendez-vous s Evropoj” // “Radio Svoboda”, 13 aprolja 2013 g. [Available from] URL: <https://www.svoboda.org/a/24954861.html> (accessed: 10.04.2021).

Tuzikov A. R. Mass-media: ideologija vidimaja i nevidimaja // Politnauka. Politologija v Rossii i mire. Polis. 2002. №5. [Available from] URL: <http://www.politnauka.org/library/prikl/tuzikov.php> (accessed: 10.04.2021).

Tuzikov A. R. Teorii ideologii v zapadnoj sociologii: ot kritiki “lozhnogo soznanija” k analizu diskursivnyh praktik mass-media. // Avtoref. na soisk. uch. st. d.soc.n. M., 2003. 60 s.

Fuko M. Istorija bezumija v klassicheskuju jepohu. SPb: Universitetskaja kniga, 1997. 576 s.

Celykovskij A. A. Mifologija i ideologija: rol' racional'nosti v ih vzaimodejstvii. // Avtoref. na soisk. uch. st. k.filos.n. M., 2011. 33 s.

Shestakova E. G. Motiv russkij chelovek na rendez-vous kak zerkalo pozicii literatora-kritika-literaturoveda // “Toronto Slavic Quarterly”, nomer №62, 2017 g. [Available from] URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/index.shtml> (accessed: 10.04.2021).

Shestakova E. G. Kollizija nacional'nogo samosoznanija i sovetskoj ideologii v motive russkij chelovek na rendez-vous (na materiale rasskazov Pantelejmona Romanova “Videnie” i “Bez cherjomuhi”). // Studia Wschodnioslowiańskie. 2019. T. 19. S. 217–238. [Available from] URL: https://www.researchgate.net/publication/343145446_Kollizija_nacionalnogo_samosoznaniia_i_sovetskoj_ideologii_v_motive_russkij_celovek_na_rendez-vous_na_materiale_rasskazov_Pantelejmona_Romanova_Videnie_i_Bez_ceremuhi (accessed: 10.04.2021).

Shestakova E. G. Motiv russkij chelovek na rendez-vous: mezhdumifom i ideologemoj // Serebrjanyj vek: dialog kul'tur. Odessa: Astroprint, 2018. S. 396–413.

Shibkov A. Russkij chelovek na rendez-vous s gonkongskoj revoluciej. // Kashin 5 nojabrja 2014 g. [Available from] URL: <http://kashin.guru/2014/11/05/umbrellas/> (accessed: 10.04.2021).

Shpakov V. Russkij chelovek na rendez-vous s Evropoj // Druzhba narodov. 2012. №10. [Available from] URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2012/10/sh19.html> (accessed: 10.04.2021).

Данные об авторе

Элеонора Георгиевна Шестакова — доктор филологической наук, независимый исследователь.

E-mail: shestakova_eleonora@mail.ru;
shestakovanora2016@gmail.com

Author's information

Eleonora Georgievna Shestakova — Doctor of Philology, independent researcher.

E-mail: shestakova_eleonora@mail.ru;
shestakovanora2016@gmail.com